

Название Тэнчэна хоть и содержало ключевой элемент травы, на деле городское озеленение было устроено отвратительно: из четырех времен года три месяца дул сильнейший ветер, так что школьникам по дороге на учебу и обратно даже рта открывать не стоило — тут же набьешь полный рот пыли, просто свинство какое-то.

В те времена ни Дажуньфа, ни Ванда еще не обосновались здесь, и самым оживленным местом во всем городе была пешеходная улица на юге, тянувшаяся с севера на юг. По обе стороны главной улицы располагались всевозможные магазины и фирменные бутики, где одежда и обувь стоили не меньше четырех-пяти сотен, из-за чего многие деревенские жители, впервые выбравшиеся в город, чувствовали, что даже просто дышать здесь дороже, чем в любом другом месте.

Большинство из них лишь недолго прогуливались по главной улице, перебирая товары, а под конец сворачивали на второстепенную улицу и шли тратить деньги там.

По сравнению с главной, цены на товары во второстепенной были куда ближе к народу, но вот санитарное состояние царило ужасное: стоило зазеваться на ходу, как на голову мог прилететь чей-нибудь красный пластиковый пакет.

В южном конце второстепенной улицы находился интернет-кафе, где вечно толпилась молодежь в зауженных брюках и мокасинах, рубившаяся в игры. Поблизости располагался магазин товаров для взрослых — витринные манекены то и дело переодевали в новое эротическое белье, однако покупателей внутри отроду не видали. Соседней с магазином дверью шел общественный туалет, а за ним тянулся ряд мрачных, темных офисных зданий.

У тусклой многоэтажки отсутствовала входная дверь, сразу за ней начинались бетонные лестницы. Днем на лестничных пролетах стояла крошечная тьма, что уж говорить о нынешнем часе — половине четвертого утра.

Репетиторский центр и брачное агентство давно уже закрылись, и лишь в конце коридора на третьем этаже временами слышались человеческие голоса.

Если бы мимо проходил курьер, доставлявший сюда еду, он бы сразу вспомнил, что крайняя комната слева на третьем этаже этого здания — вовсе не офис, а стриминговая компания.

Главным признаком того, что перед вами действительно трансляционная студия, служила вовсе не вывеска у входа, а тамошние женщины — с намалеванными под стать мертвецам лицами.

— Сколько часов уже стримит Цюцзы? — мужчина со шрамом во всю левую щеку дымил в кабинете, прищурив мелкие глаза и морща грубую кожу на бугристом носу.

Конец цитаты. Названный Бяо-гэ шрамянистый мужчина заговорил мягким тоном:

— С восьми вечера вчерашнего дня, уже больше семи часов.

Отвечавшая ему женщина тоже курила; на ней была обтягивающая майка с глубоким вырезом, густой макияж уродовали две массивные тени на переносице, словно размазанная грязь.

— Ага.

Компания просуществовала уже довольно долго, но все нанимавшиеся стримерши либо оказывались слишком дурными собой, либо совершенно не умели ублажать публику — в основном они не выдерживали и трех дней, увольняясь или получая расчет, и дела шли из рук вон плохо. Лишь в прошлом году, когда по объявлению на листовке пришла Чжу Юй и в первый же день стрима нашелся крупный спонсор, готовый защищать ее и заваливать автоколоннами, дело наконец-то принесло реальную прибыль.

— Ладно, пусть заканчивает трансляцию, на сегодня хватит, вон уже три императорских комплекта подарили, — бросил мужчина со шрамом.

Женщина заглянула в приоткрытую дверь и постучала:

— Закругляйся.

Внутри тесной и душной студии девушка с густым макияжем сладко улыбалась в камеру:

— Ой, спасибо братцу Цанлану за остров любви, Цюцзы сегодня любит тебя сильнее всех! Сердечко вам!

Девушка слегка кинула голову, не отрывая глаз от экрана, зевнула и произнесла:

— Нуу, как же я устала, давайте на сегодня закончим. Спасибо братикам, что защищали меня во время поединков и не давали в обиду, до завтра, братики! Братец Цанлан, спокойной ночи!

Нажав кнопку завершения трансляции, Чжу Юй в тот же миг рухнула на стул, точно марионетка, у которой обрезали все ниточки. Ее миндалевидные глаза уставились в потолок, на лице не было ни единой эмоции, в голове — звенящая пустота.

Отдохнув минут десять, Чжу Юй сняла с век накладные ресницы, выключила кольцевую лампу с компьютером и, распахнув дверь, вышла из студии.

Она вернулась в гримерку, натянула верхнюю одежду, надела маску и кепку — в разгар летней жары закуталась так плотно, что лишь тогда решилась спуститься вниз.

Чжу Юй толкнула дверь кабинета и обратилась к курящим мужчине и женщине:

— Бяо-гэ, Цинцзы-цзе, тогда я пойду домой.

— Угу, возвращайся медленно, по дороге перед сном поболтай немного с Цанланом, поухаживай за ним, сегодня он один накидал тебе подарков почти на десяток тысяч.

— Угу.

Подобные нехитрые трюки для стимуляции трат удавались ей с легкостью.

Стоило публично назвать по имени человека, забросившего больше всего подарков, и пожелать ему спокойной ночи, как это мгновенно разжигало в остальных зрителях зависть и дух соперничества, заставляя их донатить еще больше, лишь бы обогнать лидера и выбиться на первое место.

— Кстати, — окликнула ее Цинцзы. — Завтра придут две новенькие, в первый день стрима возьми их под крыло, проведи пару боев РК, пусть освоятся и примелькаются перед крупными спонсорами.

Имя Цюцзы она выбрала сама, когда устроилась сюда на работу в прошлом году: стояла как раз осень, вот она и решила зваться Цюцзы.

В этом убогом уездном городке отыскать хорошенькую, ладную, да к тому же умную и послушную девчонку было куда сложнее, чем выиграть в лотерею.

Звуковое реле на лестнице снова сломалось, она включила фонарик на телефоне и быстро побежала вниз.

Так называемая студия на деле представляла собой ряд крошечных клетушек, разделенных тонкими перегородками. Шириной и длиной они не превышали двух метров — стоило поставить стол со стулом, и места больше не оставалось вовсе. На заднюю стенку наклеивали фотообои с видами роскошных особняков, так что во время эфира казалось, будто ведущая и вправду сидит в шикарном особняке.

Южный конец пешеходной улицы был ужасно грязным, но имелся у него один плюс: в любое время суток на перекрестке можно было поймать такси.

Чжу Юй остановила машину и села на заднее сиденье, в салоне явственно пахло табаком.

— Будьте добры, до микрорайона Анькан.

Голос у нее от природы звучал очень мягко, так что даже обычные слова казались мольбой.

Пешеходная улица находилась чуть больше чем в трех километрах от Анькана, по счетчику вполне хватало девяти-десяти юаней.

Машина остановилась у ворот жилого комплекса, водитель включил салонный свет и протянул ей QR-код:

— Тринадцать.

Чжу Юй на секунду замерла:

— Хорошо. — И отсканировала код.

Выйдя из машины, она глубоко вздохнула. Она жила в пятьдесят втором доме, и каждый раз по возвращении ей приходилось пересекать почти полрайона. Прошлой зимой посреди ночи поднялся густой туман — такой сильный, что водители с трудом различали дорогу. Она, как обычно, шла из конца в конец пешком, и, проходя мимо беседки, слышала плач.

Женский, сдавленный и полный обиды.

Тогда было около трех часов ночи, в жилом комплексе стояла мертвая тишина, и этот плач преследовал ее всю дорогу. Однако ей вовсе не было страшно, вот только оглянуться она так и не осмелилась.

Позже, болтая об этом с тетусшкой Цуй, она слышала от той, что, должно быть, туман сбил с пути какого-то блуждающего небожителя, и та посоветовала ей впредь стараться возвращаться пораньше и не вести эфиры так поздно.

Тетусшка Цуй была ее хозяйкой и одновременно соседкой по квартире. Ей было чуть за сорок, она была разведена, детей не имела. После сноса их старого дома родители выделили ей эту квартиру для старости, а сама она жила на арендную плату от Чжу Юй да на помощь младшего брата, особо не общаясь с соседями.

Вернувшись домой, Чжу Юй тихонько закрыла дверь, включила свет и на цыпочках поставила сумочку, переобулась и сняла верхнюю одежду, смертельно боясь потревожить хозяйку главной спальни.

Но дверь главной спальни отворилась, и оттуда выглянула голова женщины средних лет: — Вернулась? В холодильнике еда, я тебе оставила, разогрей и поешь.

— Спасибо, тетусшка Цуй, — она сладко улыбнулась, излучая неизъяснимую послушность и рассудительность. — Вы почему еще не спите?

— В новостях вечно показывают, как по вечерам девушек утаскивают по дороге домой, до чего же страшно! Пока ты не вернешься, мне не уснуть спокойно.

В груди у Чжу Юй потеплело: — Все в порядке, я как вышла с работы, сразу поймала такси,

там ехать-то всего ничего.

— И на такси небезопасно! — подчеркнула тетушка Цуй.

Чжу Юй отнесла оставленную в холодильнике еду на кухню разогревать и на ходу согласилась: — Хорошо, я буду осторожна, ложитесь-ка скорее спать.

Тетушка Цуй оставила ей чесночные побеги, обжаренные с яйцами. На самом деле Чжу Юй не любила чесночные побеги, но раз она никогда никому об этом не говорила, то раз не любишь — все равно съешь.

Макияж на ее лице и без того наполовину поплыл за время трансляции, а от жаркого дыхания газовой плиты размазался еще сильнее. Подводка, тени и тушь хаотичными пятнами легли на лицо, превратив ее в грязную бездомную кошку.

Разогрев еду и переложив ее на тарелку, она налила себе стакан воды и с аппетитом принялась уплетать ее с сухим мантау.

— Сяо Чжу, есть тут один вопрос, который я давно ужасно хотела тебе задать, — тетушка Цуй подошла к обеденному столу и села. — Только ты не принимай близко к сердцу.

— Угу, — послушно кивнула Чжу Юй.

— Раньше я слышала, как ты обмолвилась, будто твой отец работает на химическом заводе. Значит, он все-таки кадровый рабочий на государственном предприятии, верно? Хотя вы родом из деревни, но раз твой младший брат смог учиться в средней школе в городе, значит, вы были в состоянии это оплатить. Почему же ваша семья дошла до того, что тебе в столь юном возрасте пришлось идти зарабатывать деньги?

Чжу Юй поняла, к чему клонит тетушка Цуй, и расплылась в улыбке: — Они меня не заставляли, я сама не захотела учиться дальше. Дома сидеть без дела — только время терять, лучше уж выйти на работу, заодно и мир повидать.

Тетушка Цуй в нерешительности кивнула: — Если это действительно так, то я советую тебе сменить работу. Заниматься стримами — даже если не брать в расчет, хорошо это звучит со стороны или нет, — от таких ночных переработок твой организм долго не выдержит.

— Угу, — Чжу Юй сделала глоток воды. — Сестра Цинцзы тоже говорила со мной об этом. Как только она обучит новичков, меня переведут на дневные трансляции, а ночные оставят им. Днем стримов от крупных блогеров много, и если новички начнут вещать днем, их точно никто не станет смотреть.

— Днем тоже можно, главное — не сидеть по ночам, — тетушка Цуй вздохнула с облегчением, глядя на ее перепачканное личико. — И все же я советую тебе бросить это дело. Добрая девочка, послушай моего совета: в твоём возрасте нужно сидеть за партой. Неважно, профтехучилище это или техникум, найди где учиться. Денег много или мало, но иметь ремесло, которое тебя прокормит, важнее всего на свете.

Обычно в таких случаях слова тетушки Цуй залетали Чжу Юй в одно ухо и вылетали в другое, но на сей раз, вернувшись из Тайаня, она, казалось, в чем-то изменилась, и на сердце у нее зародились сомнения.

Пожинав и умывшись, она немного поболтала по голосовой связи с Воителем, осыпая

молодого человека звонким «братик» так, что у того уровень адреналина взлетел до небес, и он отправил ей несколько красных конвертов подряд, из которых она не приняла ни единого.

В компании существовали строгие правила: никаких сделок в обход системы.

Когда со всеми делами было покончено, уже почти рассвело.

Она долго ворочалась в постели, погрузившись в оцепенение, как вдруг вскочила с кровати и принялась шарить в сумок. Сложенная вчетверо бумажная салфетка, запрятанная в самом дальнем отделении, оказалась у нее в руках. Она осторожно развернула ее, и каждая цифра на ней казалась ей живой: чем дольше она вглядывалась, тем более яркими и милыми они ей виделись.

Прочитав, она аккуратно сложила салфетку обратно и сунула в сумку.

С тех пор как она ступила на этот путь, ее WeChat словно обрел огромную ценность — по крайней мере, требовалось сделать подарки в трансляции не менее чем на семьсот юаней, чтобы получить право добавить ее в контакты. И чем больше было это условие, тем сильнее она чувствовала, что недостойна.

Она не смела добавить ее.

Ся, Гуан — стоило кончику языка легко коснуться нёба и чуть приподняться, как рождались эти два слога.

Этот человек выглядел таким чистым, одежда была такой чистой, и от него исходил такой чистый запах. Находясь рядом с ним, Чжу Юй казалось, что она сама словно становится чище. Это ощущение было до того прекрасным, что в нем сквозила хрупкость: стоило лишь прикоснуться, как поймешь всю его мимолетность.

Чжу Юй уткнулась лицом в подушку, чувствуя себя настолько уставшей, будто она уже и не существовала вовсе, а в голове вертелась лишь одна мысль: подожди меня, дождись, пока я стану достаточно хорошей, пока я не смою с себя весь этот мрак и хаос. Тогда я дождусь солнечного дня, чисто умытая и с высоко поднятой головой встану перед тобой и скажу: «Давно не виделись».

Только вот настанет ли этот день?

<http://bllate.org/book/22326/2338463>